

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

Отечественная война и советская литература*

Место писателя в Великой отечественной войне предопределено тем оружием, каким он владеет. Это оружие — слово. Писатели в этой войне несли жертвы как бойцы и как бойцы смыкали свои ряды, чтобы снова и снова бороться за непоколебимую истину советского искусства.

Товарищ Сталин в своем докладе сказал глубокие слова о том, что советская интеллигенция в условиях войны двигает вперед советскую науку и культуру.

С первого дня войны писатели включились в ряды защитников родины. С первого дня войны зазвучало писательское слово, сопутствуя Красной Армии и советскому народу в битвах на фронте и в трудовых подвигах тыла. Писатели жили и живут общей жизнью с народом. В боевом братстве страны они занимают почетное место. Их влияние огромно. Их ответственность перед народом и будущими поколениями никогда не была так велика, как сейчас. Наша литература стала «совестью мира», как назвал ее английский писатель Пристли. И это сказано с глубоким уважением к нашей работе.

Народы объединенных наций, угнетенные народы, ведущие отчаянную борьбу с фашизмом, передовые деятели мира и обыкновенные работники, интеллигенты и писатели Запада, удивленные блеском побед советского народа, задают себе вопрос: как случилось такое чудо? Почему побеждают советские люди? И они говорят нам, советским писателям: «Покажите нам советских людей, раскройте тайну этих побед, дайте нам почувствовать душу и сердце советского человека, расскажите о нем все, что вы знаете, со всей силой неупрощенного искусства, вы, писатели и поэты, инженеры человеческих душ, понимающие весь глубочайший смысл событий, переживаемых вашей родиной».

* Впервые: Новый мир. 1944. № 1–2. С. 180–189.

Наш советский народ, наша Красная Армия жадно глотают слова писателей, черпая в их произведениях нравственную силу, вдохновляясь подвигами их героев. «Быть инженером человеческих душ — это значит обеими ногами стоять на почве реальной жизни», — так сказал товарищ Жданов на открытии первого съезда писателей. Эта формула неизменна и для переживаемого нами времени. Не надо понимать ее узко. Сегодня действует сила тех фактов жизни, которые нас окружают, но в нас говорит и предвидение будущего, провозвестником которого являются эти факты. В нас говорит и сила глубочайших воспоминаний исторической жизни нашего народа. Живут бессмертные идеалы совершенствования человеческого характера, получившие в нашу сталинскую эпоху такое изумительное развитие, давшие нам героев, достойных сравнения с лучшими классическими образцами, а зачастую превосходящих их настолько, насколько масштаб сегодняшней борьбы нашего народа превосходит все былые грандиозные столкновения, решавшие судьбу мира.

До Великой отечественной войны в центре внимания нашей литературы стоял человек — строитель новой жизни в городе, в колхозе, беззаветно преданный делу партии хозяйственник, инженер, участник великой стройки, комсомолец, воздвигавший в тайге город молодости, покорявший Арктику, неутомимый и жадный к приобретению знаний пионер, живший в романтическом мире счастливой юности.

Теперь этот человек проводит горнило войны, переживает жестокие испытания и творит незабываемые подвиги. Мы видим величайший героизм и величайший триумф советского человека.

Как же изображен в нашей литературе народ-герой?

Главным героем нашей литературы, как в дни мирного строительства, так и в дни Отечественной войны, является *правда*. Мы не хотим скрывать ни дней тягостного отступления, ни дней жестоких битв, ни огромного напряжения сил страны на пути к победе. Мы не хотим рядить наших воинов, наших офицеров в пышные одежды сказочных удалцов или ограничиваться картинами строго батальных описаний. Правда о войне — это рассказ, который должен потрясти души и сердца, раскрыть все моральные богатства, всю глубину могучего духа советского человека. Непобедимая воля, потрясающая выносливость, железное упорство, глубокое понимание происходящего, жертвенность, высокая сознательность — эти черты свойственны характеру советского солдата, советской женщины, старика и мальчика. Наш герой не ограничен возрастом.

Национальная гордость, дотоле скрытая в сердце советского человека, перед угрозой порабощения, перед лицом смертельной опасности вспыхнула ярким огнем. На развалинах Сталинграда, в осаж-

денном Ленинграде, в степях Украины, в лесах Белоруссии — всюду, где шли грандиозные сражения, советский человек в решительный час дышал этой национальной гордостью, жертвуя жизнью за свою страну, за ее будущее. В ходе жестоких битв рождалась ненависть к немцу, ненависть тяжелая, ненависть неугасимая, ненависть личная, ненависть, которая до сих пор движет Красной Армией и советским народом.

* * *

Вместе с ходом войны изменялся и наш воин. Красная Армия питала в себя сыновей всех народов Советского Союза, и дело войны стало делом их жизни. Они росли в огне сражений и выросли так, что сияние их побед освещает весь мир, как отсвет зари спасения для всех народов, измученных немецким игом.

Никогда не было такого читателя у советских писателей, как сейчас. Никогда их слово не поглощалось так жадно, как сейчас. И никогда их слово так не помогало народу, как сейчас. Все процессы войны в той или иной мере отражены в нашей литературе. В этом ее заслуга, ее честь и слава. Она еще не отразила их исчерпывающе, с должной силой, но она отразила их в меру тех талантов, какие есть сегодня в наших рядах.

Невозможно пересказать все произведения наших писателей и поэтов, драматургов и сценаристов, посвященные событиям Отечественной войны. Остановимся лишь на самых характерных произведениях, таких, чье значение общепризнанно и представляет большой интерес.

Нужно сознаться, что в первые дни этой великой войны писатели не знали, с чего начать. Они только инстинктивно чувствовали, как ответственность писателя заставляет их сосредоточиваться, искать самое главное. Самое главное была правда. Ведь очень характерно, что такие разные люди, как Колосов и Паустовский, направляясь на фронт, оба везли с собой «Севастопольские рассказы» Льва Толстого.

Почему они выбрали его, именно его? Потому, что в рассказах Толстого, сочетающих художественную прозу с публицистикой, правда жизни рядом с размышлениями автора о виденном. Толстой собственными глазами видел то, что изображал, но одного этого было бы еще мало. Им двигала огромная жажда к познанию русского человека, и он описал его не объективно, а со страстью патриота, разделяющего народный подвиг.

И в наши грозные дни советский писатель не мог миновать этого пути: все видеть своими глазами, все испытать самому и правдиво рассказать об этом.

Возьмем такого молодого писателя, как Константин Симонов. Его популярность очень велика. В писательском искусстве, как и во всех других областях, неизбежна смена поколений. Симонов — голос сегодняшнего молодого поколения, того поколения, что испытало Халхин-Гол, знало освободительный поход в Западную Белоруссию, в Западную Украину, извело суровую зиму финляндской войны 1939–1940 года. Этому поколению выпала честь участвовать в великой битве советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Молодость, заряженная огромной энергией, не боится расточительства своих сил. Поэтому мы встречаем Симонова во всех жанрах. Он выступает как прозаик, очеркист, поэт, драматург, сценарист — все сразу. Его не смущает расстояние. Сегодня он в Одессе, завтра под Москвой, потом он переносится в сугробы Заполярья, он уже в Сталинграде, а дальше мы видим его с армией на правом берегу Днепра, потом в лесах Полесья, читаем его корреспонденции из Гомеля. Это энергия молодости, которая не считается с расстоянием.

Его жадность к впечатлениям вполне оправдана. Он сам идет в разведку, участвует в атаке, он на наблюдательном пункте, он на волжской переправе, под обстрелом, и всюду он искренен и прост. Никакого самолюбования, ни тени фальши, никаких трескучих, громких фраз.

Он первый поднимает в театре тему «Русские люди». Он не делает открытия: эти люди вокруг, ими полна армия. Но он их запечатлел первый. В этом его заслуга.

Есть у Симонова стихи, которые солдаты и офицеры носят у себя на груди, — это факт, а не преувеличение, — носят потому, что строки эти отвечают тому, что у них на сердце. И они благодарны автору. Это стихи о любви — «Жди меня». Но есть другие, — их расклеивал аршинными буквами осажденный Ленинград, — и это стихи о ненависти — «Убей его!». Симонов пишет очерки, похожие на рассказы, и рассказы, похожие на очерки. Его не интересует точность жанра. Его интересуют борьба, жизнь и победа. Он разговаривает со временем его голосом. Его поколение в окопах и в боях. Оно выигрывает войну и, вспоминая войну, вспомнит Симонова. Это много.

В рассказах, стихах и пьесах Симонова есть, конечно, недостатки. Но не это главное. Главное в том, что он голос своего поколения. Он не может писать безукоризненно. Это приходит с годами. Но он, такой, как есть, метит свои рассказы и стихи годами 1941, 1942, 1943, 1944. Это славные даты. Они не забудутся.

Возьмем «Морскую душу» Соболева. Эти страстные маленькие рассказы хороши тем, что их читаешь, как правду. Это правда о нашей гордости, нашей славе, о советских моряках, возродивших славные традиции прошлого. Это матрос Кошка, получивший новое имя.

Это Севастополь в грозе и буре, советский, наш, родной Севастополь. Севастопольская Даша времен Нахимова доверила свой пост советской девушке и с гордостью глядит, как ее наследница выполняет исторический долг. Корниловский моряк воскрес в неповторимой борьбе севастопольских морских батарей. Истоминский сапер ожил в саперах лета сорок второго года. Заслуга Соболева в том, что он сумел передать пульс этой борьбы.

Но есть попытки, идущие дальше эпизодов. Очень трудно в самый разгар такой войны, как нынешняя, попытаться остановить время. Легко делать зарисовки в блокноте, но трудно создавать большую картину на перепутьях времени, на короткой остановке. И все-таки роман Гроссмана «Народ бессмертен» — удача. Дело не в комиссаре Богареве и не в красноармейце Игнатеве, не в этих, пусть обобщающих фигурах. Но Гроссман поднял другое — то большое, что впервые прозвучало в литературном произведении. Война коснулась всей нашей жизни, всего, что дорого нашему народу. Гроссман первый изобразил охват войны, изобразил города и села, гибнущие под шквалом вражеского нашествия. Он не оскорбил изображаемое преувеличением. Он не обидел настоящих героев выдуманной героикой. Есть недостатки и в его романе. Но наша задача — найти главное, то, что писателем двигало и что ему удалось.

«Непокоренные» Горбатова произвели на читателя в тылу и на фронте огромное впечатление. В традициях литературных суждений нужно быть строгими. Писатели обязаны стоять на страже искусства, повышать требования друг к другу. Но в литературе, как в любом искусстве, есть такие явления, которые нельзя понять, если слишком увлекаться поисками безупречного. Например, книги Николая Островского, — о судьбе которых в нынешнюю войну речь будет дальше, — написаны далеко не так безупречно, как того хотелось бы взыскательному художнику, но это замечательные книги. Так и с повестью Горбатова. Появятся книги сильнее, где будут полнее раскрыты все явления жизни под игом немцев на нашей несчастной и милой Украине. Но Горбатов вложил в свою повесть большую публицистическую страсть, и книга достигла своей цели. Задача автора была выполнена. Народ принял его книгу.

Шолохов начал писать роман «Они сражались за родину». Это только еще куски, и трудно представить себе целое, так как мы не знаем судьбы героев. Но видно, что Шолохов задумал трудное дело. Он и не хотел легкого дела. Это будни войны. Это тягость дней отступления, когда народ смотрит на тебя, своего защитника, почти с презрением и в сердце бойца рождается ярость. Мы знаем, что позже такая ярость приведет к победам под Сталинградом, под Орлом, под Киевом, Ленинградом. Это правда войны.

Шолохов написал в свое время «Науку ненависти». Разве это была только газетная статья? «Наука ненависти» читалась всей армией, а наша армия сегодня — это вооруженный народ.

Мы видим, как литератор сопутствует явлениям, которые связаны с жизнью вооруженного народа, нуждающегося в слове писателя, верящего ему, жадно читающего его.

«Василий Теркин» Твардовского — это уже не Вася Теркин времен линии Маннергейма, времен фронтовой газеты «На страже Родины». Твардовский слишком любит народное слово, чтобы повторять те, подчас слишком разбитные строфы, которые сопровождали того Васю Теркина, что жил с бойцами Карельского перешейка. Теперь мы читаем вольные, свободно льющиеся главы «Василия Теркина», где сегодняшней фронтовик, скромный, доблестный рядовой боец, со всей народной мудростью выступает на смертный бой против фашизма. Да, это поэзия.

Одного не хватает в Теркине. Русский человек, сегодня с оружием в руках защищающий свободу своей земли, сохранил все врожденные качества предков — старых солдат. Но к старым качествам прибавились новые, те черты советского человека, которые лишь отчасти отражены в поэме Твардовского. Образ, взятый поэтом в основу, может быть цельнее, глубже, и тогда, обогащенный этими новыми красками, он останется на память поколениям как прекрасный поэтический образ великого времени.

В «Радуге» Ванды Василевской с точной и жестокой последовательностью рисуется вся почти не передаваемая пером картина немецкого страшного владычества на временно захваченной нашей земле. Писательница почти анатомически вскрывает страдания народа. Ее перо превращается в скальпель. Она избирает фактическую сторону без всякого вмешательства благодетельного вымысла. Она отрицает меру художественности, чтобы сделать картину мучительной, как обвинение, чтобы казнить палачей, как по суду. Автор делает это намеренно, не слаживает и не рассуждает, а стремится запечатлеть самое страшное и самое главное. И цель достигнута — смысл и содержание повести дошли до читателя и на фронте, и в тылу. Только люди, проникнутые духом непримиримого эстетизма, могут говорить, что повесть написана не по тем законам, к которым они привыкли. Но надо иметь в виду, что немец сейчас живет и воюет не по тем законам, по которым привыкли изображать его в старой литературе.

Мы сейчас живем войной. Все остальное нам кажется второстепенным, если не чуждым. Что делать поэту в это грозное время? Да он и не спрашивает. Он знает, что ему делать и где быть. Как может быть иначе? Прав, глубоко прав был Белинский, говоря: «Если

он поэт, поэт истинный, то он должен сочувствовать своему отечеству, разделять его надежды, болеть его болезнями, радоваться его радостями. Кто не согласится с этим, кто будет противоречить этому? Итак, спрашиваю: может ли русский поэт не быть русским поэтом, русским не по одному рождению, а по духу, по складу ума, по форме чувства, как бы глубоко ни был он проникнут “европеизмом”?»

Говоря о художественном росте нашей поэзии, мы можем отметить, что такой поэт, как Сурков, предпочитавший всегда содержание форме, в дни войны стал писать крепче и дал ряд хороших произведений. Прокофьев, всегда писавший только стихи и песни, написал яркую поэму «Россия». Вера Инбер, грешившая эстетизмом, в условиях суровой ленинградской осады написала поэму «Пулковский меридиан», своеобразный дневник осадной зимы, стремясь как можно строже запечатлеть мрачные картины Ленинграда. Ольга Берггольц обнаружила неожиданную силу в своем «Февральском дневнике», который стал известен всей стране. В этом мы находим то пробуждение, то вдохновляющее действие прилива настоящих больших чувств, без которых не может быть настоящей поэзии.

В дни войны вступают в строй и самые древние формы поэзии, казалось бы, давно ушедшие в прошлое. В древности скальды сопровождали дружины и слагали свои песни на поле брани, восхваляя павших героев, призывая к мести. И вот перед нами прекрасная поэма Павла Антокольского «Сын», о которой люди посвященные говорят, что это и есть песня скальда над могилой сына-воина, павшего за родину. Вместе с тем поэма эта — не надгробная надпись, не огромная эпитафия. Это кусок нашей живой действительности. Поэма принадлежит всем, а не только автору, пережившему большое личное горе.

А когда Алигер в поэме «Зоя» смело говорит от лица поколения, разве она не имеет на то права? Может быть, Зоя была не такая, и иные песни поэмы разойдутся с фактами ее биографии, но образ Зои не потеряет от этого ничего существенного, потому что в поэме передано самое главное, самое ценное — беспредельная любовь к советской родине, во имя чего Зоя совершила свой подвиг.

То же самое мы наблюдаем и в драматургии. Общеизвестно огромное общественное значение пьесы А. Корнейчука «Фронт». Даже когда вопросы, поднятые ею, устареют, она будет жить как пьеса историческая.

Своеобразие пути, свойственное каждому самостоятельному писателю, проявляется и в отборе тем. Так, у Леонида Леонова не было, пожалуй, другого пути, чем тот, который он избрал для своего героя, так называемого лишнего человека, странствовавшего у него из романа в роман, из пьесы в пьесу. В «Нашествии» Леонов послал его

на жертву, на гибель ради высокой цели. Тут нет авторской натяжки; это правдивый конец биографии героя; таких концов мы можем много насчитать в военное время, особенно на территории, занятой противником.

То же случилось с героями очень хороших рассказов Платонова, рассказов, всегда страдавших от избытка странных людей. Эти странные люди Платонова стали жить на страницах его же военных рассказов совсем не странной жизнью.

И влияние Джека Лондона, неуловимо ощущаемое в рассказах Кожевникова, нисколько не снижает впечатления от них. Почему? Да потому, что сильный характер, уже известный нам по произведениям Джека Лондона, не просто пересажен на нашу почву как литературное подражание, а живет в наших условиях самостоятельно.

В пьесе Вишневского «У стен Ленинграда» моряки похожи на братишек времен гражданской войны. И это законно. Кто был в Ленинграде в дни осады, тот помнит, как снова появился на улицах великого города моряк, крест-накрест опоясанный пулеметными лентами, как бы воскрешая образ моряка из фильма «Мы из Кронштадта». Балтфлот гордится своими традициями, и моряки, шедшие на танки Юденича с гранатами, ходили и сегодня в психическую атаку и недаром были прозваны немцами «черными дьяволами».

Голоса поэтов всех краев нашей обширной страны как бы слились в один многоголосый хор, славящий родину. Но прислушайтесь, и вы легко отличите все своеобразные оттенки стихов Рыльского и Тычины, Бажана и Первомайского, Щипачева, Исаковского. Якуба Коласа, Переца Маркиша, Наири Заряна и других.

У нашего врага в его поэзии есть только одна тема: озлобленное человеконенавистничество. Недаром лучшим поэтом гитлеровской Германии признан Дитрих Эккерт, ради которого уничтожили премию имени Лессинга и переименовали школу имени Лессинга в школу имени Дитриха Эккерта. Он любит повторять одно и то же слово в строке: «буря, буря, буря, буря». Подразумевается, что речь идет о буре фашизма, сметающей мир. Убогая поэзия!

Насколько богаче наш мир, наш человек, наши требования к искусству. В стихах узбекского поэта Гафура Гуляма в книге «Иду с Востока» вы найдете отголоски могучей поэзии Маяковского и громадное чувство времени, позволяющее узбекскому поэту удивлять своих земляков силой стиха и удивлять всех советских людей широтой своих тем.

Стихи Кулешова — общесоюзные, хотя и писаны по-белорусски. «Знамя бригады», несмотря на эпическую тему, переполнено лирическими строками, чудесными по неожиданности.

И, наконец, двумя поэтами исполнена работа, имеющая прямое общесоюзное, государственное значение. Государственный гимн, слова которого принадлежат Михалкову и Эль-Регистану, написан так просто, чтобы никакое отяжеление не помешало строгим формулам, которые должны быть доступны всем возрастам, всем народам и племенам нашей страны. Отброшены все поэтические украшения, все, что может помешать строгому смыслу. Над вариантами гимна работали десятки поэтов всех национальностей Советского Союза, и это благородное соревнование ярче всех других фактов показало, что у наших поэтов есть чувство и понимание своего государственного долга.

* * *

Сталинская дружба народов никогда еще не являлась перед миром в таком блеске, как в дни Отечественной войны. Единство народов скреплялось и скрепляется кровью на поле битвы. Поэты и писатели всех народов в одном строю сражаются с оружием в руках. Азербайджанец Абуль Гассан, дравшийся за Севастополь, пишет рассказы об этой замечательной обороне. Татарский поэт Файзи защищает Ленинград. Казах-поэт Абдулла Джумагалиев погиб в битве под Москвой. О нем складывает песню поэт-фронтовик Аманжолов. Герой Советского Союза Малик Габдулин пишет книгу очерков «Мои фронтовые друзья».

Стихи Джамбула «Ленинградцы — дети мои» вдохновляют ленинградцев в самые черные дни, радуют их, как братский привет широкой отчизны. Значит, мы сильны и едины, — если там, на склонах казахских гор, помнят о Ленинграде и поют ему песню бодрости.

О героях-панфиловцах слава прошла по всему Союзу. О подвиге 28 пишутся поэмы на русском, казахском, киргизском, еврейском языках. Пишутся пьесы «Гвардия чести» и «Гвардия, вперед» Ауэзовым и Мукановым. Появляется в Казахстане пьеса о партизанах — казахах и украинцах, — борющихся вместе против немцев на Киевщине.

Старейший прозаик Азербайджана Саид Ордубады пишет роман о молодых чекистах. Включаются в общее дело писатели и поэты Прибалтики — Упитс, Цвирка, Судрабкалис.

В Грузии появляется поэма молодого и свежего поэта Григория Абашидзе «Гора победы». Песню Чанчараули «Солнце будет сиять над Родиной» поет вся Грузия. Стихи Леонидзе преисполнены патриотической силы. Голоса старых и молодых сливаются в гимн вождю народов. Не счесть, сколько песен и стихов написано на всех языках о великом Сталине.

Войной живут люди и на дальнем Юге, и на далеком Севере. Расширяются жанры, поэты становятся публицистами, пишут статьи, как Бажан, очерки, как Головановский и Первомайский; прозаики становятся сатириками, как Панч и Копыленко на Украине. Пишут о войне старики, такие, как Айни и Аветик Исакян.

Живые свидетели народного горя и народного торжества, поэты и прозаики всех народов поистине составляют боевое братство, в котором особенно велико влияние русской литературы, русской поэзии, благотворное и естественное влияние, обогащающее братские литературы. На примере Гафур Гуляма мы это видим особенно отчетливо. Поэт, умудренный всеми тайнами восточных традиций, великих поэтов прошлого, он берет стих Маяковского, чтобы по-новому зазвучал на родном языке гулямовский стих.

И тут мы сталкиваемся с явлением, вызывающим постоянную дискуссию. Кто может быть прекрасным посредником между всеми поэтами и прозаиками нашей страны, пишущими на десятках языков? Переводчики. Сейчас это совсем не те «подставные лошади просвещения», какими они были во времена Пушкина. Они важнейшие двигатели культуры, они первые друзья поэта и его читателя. Они могучий передовой отряд,двигающий общее дело советской культуры, сближающий родственные литературы.

У нас много поэтов занимается переводами. Достаточно назвать такие имена, как Исаковский, Адалис, Державин, Алигер, Антокольский, Звягинцева, Бродский, Зенкевич, Турганов, Пеньковский, Петровых. Да, пожалуй, нет поэта в нашей стране, который не занимался бы переводами. Но проблема перевода все еще не решена. В большинстве случаев переводчики переводят без знания языка. Еще переводить стихи, как речь условную, с подстрочника, без знания языка допустимо. Но как можно переводить прозу с ее бытовой интонацией, не зная языка?

Ведь к великим поэтам Запада у нас нет такого отношения. Сейчас закончил огромный труд великолепный переводчик Михаил Лозинский. Он перевел полностью всю «Божественную комедию» Данте. Это поэтический подвиг — событие, о котором надо сказать во всеуслышание. Да разве переводчик приступил бы к такому труду без знания итальянского языка?! А разве Маршак, переведивший прекрасно Бернса и народные английские баллады, не владеет превосходно английским?!

Решительно надо упорядочить дело и с опубликованием переведенного. Надо наладить помещение прозы и стихов в центральных журналах.

Общение русских поэтов с поэтами братских республик временами, даже несмотря на трудности войны, осуществляется. Но обще-

ния прозаиков почти нет. Даже соседи, как туркмены и узбеки, узбеки и казахи, не ездят друг к другу, не знают друг друга. А нужно, чтобы произведения, написанные в Ташкенте или в Ереване, в Тбилиси или в Алма-Ате, быстрее становились известными хотя бы Союзу писателей в Москве, чтобы он мог продвинуть их дальше, помочь их переводу или изданию.

* * *

Сейчас на фронте воюют все народы Советского Союза. В строю рабочие, интеллигенты, молодые и пожилые люди. В строю русские, украинцы, белорусы, грузины, казахи. Они ценят слово писателя так, как его никогда не ценили. Но они ценят не всякое слово — холодное, равнодушное, пустое или аляповатое слово они не ценят. Если агитация плоха, она не агитация.

Листовка только та нужна, которая написана яростью сердца. Поэтому не стыдно писателю создавать листовку, какую никто не может написать так, как он. Но дело не в листовке. На фронте живут книги, и живут замечательной жизнью.

В армии гвардии генерал-лейтенанта Горбатова книга Николая Островского «Как закалялась сталь» сделалась своего рода евангелием. Как это началось, с чего началось, — никто не помнил. Но книга читалась и перечитывалась во всех ротах и батальонах. Люди все вычитанное переключили на себя. Однажды чуть в драку не вступили два отряда из-за того, чья очередь читать эту книгу. Причем право на чтение книги одни хотели получить потому, что они сегодня убили столько-то немцев. «Но мы убили больше», — возражали им. «Но вас и было больше, чем нас», — отвечали солдаты.

Даже командиры стали здороваться с солдатами: «Здорово, корчагинцы». Но это прозвище надо было заслужить. Книга настолько вошла в сознание бойцов, что однажды, когда одна рота попала почти в окружение и героически отбилась, после боя один красноармеец оказал: «Ух, и жарко было. Мне прямо казалось, что у нас на правом фланге Николай Островский за пулеметом лежит и помогает. И выручает».

На украинском фронте «Кобзарь» Шевченко, тщательно подклеенный, выдавался командиром каждый вечер тому бойцу, который отличился днем. И люди бились, чтобы получить «Кобзарь» на руки как высшую награду.

«Я премирую этой книгой своих бойцов», — говорил командир артиллерийского полка.

Известен приказ, изданный во втором батальоне партизанской дивизии славного партизана Дедушки, гласивший: «Разрешается

раскуривать привезенные газеты, за исключением статей Эренбурга».

В Ленинграде молодой прозаик Тевелев написал рассказ о подлинном случае, о том, как проходивший артиллерист случайно был свидетелем попадания снаряда в группу детей. Он помогал раненым детям, а потом записал имена погибших и раненых мальчиков и девочек и, придя на свою батарею, громко отдавал приказ стрелять, с добавлением: «За такую-то, за такого-то — огонь!»

Этот рассказ стал широко известен на фронте, и залпы мести, именными залпами обрушивались на головы немцев. Можно себе представить, как метко били артиллеристы, мстя за детей Ленинграда.

Книга живет на фронте особой жизнью. Книгу берегут, как оружие. В одной дивизии, стоявшей под Пулковом, повелось посылать в Ленинград грамотного человека со специальной миссией: на собранные деньги достать книг для чтения, книг хороших, душевных, интересных солдату. И книги в этой дивизии выдавались с учетом всех дефектов. На переплете с внутренней стороны писалось, где какая страница надорвана или повреждена. И если книга возвращалась с нехваткой страницы или в грязном виде, нерадивый читатель лишался права на дальнейшее чтение.

Фронт любит огненное слово. Вот почему так невероятно известен Эренбург. И громадная заслуга его в том, что он помог разоблачить «непобедимого» германца-фашиста, помог распознать в хвастливом немецком нахале первых месяцев войны жадного, вороватого фрица, тупого и кровожадного. Эренбург убивал страх перед немцем, он представлял гитлеровца в его настоящем виде.

В этой связи можно вспомнить статьи Алексея Толстого, сильные очерки Гроссмана, Симонова, рассказы Павленко, книгу очерков Фадеева о Ленинграде, которая хорошо запечатлевает Ленинград 1942 года.

Почему стихи Александра Прокофьева и стихи Павла Антокольского — двух противоположных поэтов — шли листовками к партизанам? Одного знали как песенника, другого как поэта пафосного и чуть отвлеченного. И оказалось, что Прокофьев может писать яркие агитационные стихи, не снижая качества, а «Баллада о неизвестном мальчике» Антокольского доходит до каждого.

Знаменитое письмо ханковцев Маннергейму вошло в историю защиты Ханко. Маннергейм без удовольствия прочел его. Финны ответили на него страшной бомбардировкой. А защитники Ханко списывали его на память. В составлении этого письма принимал активное участие молодой поэт Дудин.

И не только на фронте стих и проза могут агитировать. В Казахстане состоялся айтыс — состязание акынов, продолжавшееся

7 дней. Съехались акыны 8 областей. Они пели об успехах своих районов, они пели о недостатках. Великий смысл был в этом состязании. Колхозники, рабочие и инженеры делали все, чтобы акын их района мог воспеть их достижения и выйти победителем в айтысе. Одна отстающая нефтяная вышка вышла на первое место после того, как акын побывал на участке.

Голос писателя — великий голос в нашей стране. С ним можно идти в бой, с ним можно побеждать в бою и в труде.

Для того чтобы писатель мог широко использовать все возможности наших жанров, ему нужны высокая культура, неутомимость и преданность великим идеям нашего времени, высокое классовое сознание. Писатель пишет о настоящем и заново переосмысливает прошлое нашей родины. Этим объясняется большое количество исторических романов, поэм и пьес, появившихся у нас за последнее время. Тут и «Хождение по мукам», «Трудные годы» (пьеса об Иване Грозном) Алексея Толстого, тут и «Багратион» Голубова, «Емельян Пугачев» Шишкова, и пьеса Форш и Бояджиева о князе Владимире, и «Брусилловский прорыв» Сергеева-Ценского, и «Великий Моурави» Антоновской, «Дмитрий Донской» Бородина, «Навои» Айбека, и «Вагиф» — пьеса Самед Вургуна, стихи Бажана о князе Данииле Галицком, «Муканна» Хамида Алимджана, и стихи Саянова «Повести о русских воинах», стихи Рыльского о Богдане Хмельницком, и роман Кербабаева «Решающие годы», и многие другие.

Какое разнообразие и богатство событий, типов, описаний быта! Но во всех этих, по-разному талантливых произведениях явственно заметны две линии. Одна уходит в древние времена, а другая — в военную историю суворовского времени или 1812 года.

А между тем сколько замечательных исторических тем, острых, не лишенных интереса и сегодня, остается незатронутыми: борьба России за свободу славян, русские на Средиземном море, борьба России с немецкими пройсками в девятнадцатом веке, русские на Востоке! Из эпохи борьбы с Наполеоном писателей неизменно привлекает только 12-й год, а наши заграничные походы 1813, 1814 годов остаются незатронутыми. Остаются в тени и такие благодарные фигуры из генералитета тех времен, как Дохтуров, Коновницын, Неворовский, партизаны Сеславин, Фигнер, моряки Ушаков и Сенявин.

«Гордиться славой своих предков не только можно, но и должно, — сказал Пушкин. — Не уважать оной постыдно малодушие». Это, конечно, верно, но необходимо заглянуть и в ближайшее будущее, посмотреть, какие новые таланты, каких новых писателей обещает это будущее. Молодые писатели и поэты особенно нам интересны. Молодежь теперь главным образом находится в армии, и в этом есть особый смысл.

Путь молодого поэта сейчас пролегает через труднейшие испытания. Что может быть выше молодости, отдающей все силы на защиту родины и выражающей свои чувства, проникнутые непосредственным жаром восприятия! Слово молодых в наше время может прозвучать неотъемлемо от всей жизни народа, прозвучать настоящим гимном жизни и свободы.

Молодые поэты есть в каждой нашей республике: Григорий Абашидзе в Грузии, Нехода и Стельмах на Украине, ленинградец Дудин и москвич Гудзенко, узбек Ассан Саид, автор «Песни бойца», и многие другие. Все они фронтовики. Все они пишут о войне. Пожалуй, эпиграфом к статье о форме их стихов подошла бы строфа из последней поэмы Долматовского:

Любитель поэзии, песен красивых
Не жди от меня. Я их петь не могу.
Я полз окровавленный, вшивый, в нарывах,
Как хлебом питаюсь лишь злобой к врагу.

Молодых поэтов привлекает в первую очередь строго смысловой стих, с разговорной интонацией. Они, конечно, пишут, не только питаюсь злобой к врагу. У них много лирики и много общих мест. Но они чувствуют, что их стихи — стихи эпохи, и в них много искренности. Это чувствует даже самый начинающий. Вот строки, написанные начинающим поэтом, красноармейцем Андреевичем; он сам так определяет свои творческие попытки, свои стихи:

В тревогах, в темноте кромешной
Ты где-то на краю пути,
Их нацарапывал поспешно
Попыткой душу отвести.
Они свинцовой дробью лягут,
В них, перечтя, найдешь черты,
Следы твоих военных тягот,
И, может быть, не только ты.

Молодые, преодолевая традиции, внесут свое новое в нашу поэзию. Но не зря и советские поэты старшего поколения столько работали над стихом, чтобы он достиг звучности, высоты, образности, разнообразия, чтобы он обогащал народную речь, запечатлевал внутренний мир человека нашего времени.

Перед молодыми нашими авторами остались те же опасности, что и до войны: шаблон, перепевы, многословие в стихе, неумение рабо-

тать над стихом. Правда, в окопе или в походе некогда заниматься тщательной отделкой стиха. Но отметить эти недостатки следует.

В прозе мы обрели недавно двух отличных авторов: Емельянову с ее повестью «Хирург» и Березко, написавшего рассказ «Красная ракета». Это настоящие заявки, преддверье серьезной писательской работы.

Молодежь, которая придет с войны, принесет новое слово и новые темы в литературу. И если старые писатели ничего не сделают для войны и победы, эта молодежь пройдет мимо них, не найдя с ними общего языка. С молодежью нельзя обращаться небрежно. Писатели-фронтовики и старые писатели в тылу всем своим опытом обязаны ей помогать. Нельзя внушать молодежи, пишущей в тылу, чтобы она игнорировала войну, считая ее преходящим, мимолетным явлением, как и все, с ней связанное. Внушать это — значит развращать молодежь, совершать преступление против нашего народа, против его священной борьбы.

Литературно-художественных журналов за время войны выходит немного: «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», «Звезда». Положение в журналах требует самого пристального внимания писателей. Редколлегии не работают с авторами. Принятые рукописи не обрабатываются. Все идет самотеком. Журналов мало, а почему-то одна и та же вещь публикуется сразу в двух журналах. Пример — повесть Юрия Германа «Би хеппи».

Идейно-политический подход к материалам в журналах отсутствует. От этого получаются такие серьезные ошибки, как опубликование повести Зоценко «Перед восходом солнца» в № 5–6 и 7–8 журнала «Октябрь».

Если бы редколлегия журнала действительно работала, если бы члены ее удосужились внимательно прочитать эту вещь, она, несомненно, не была бы напечатана.

Повесть Зоценко — явление глубоко чуждое духу, характеру советской литературы. В этой повести действительность показана с обывательской точки зрения — уродливо искаженной, опошленной, на первый план выдвинута мелкая возня субъективных чувств. Здесь уместно вспомнить слова Горького, который сказал, что «смысл личного бытия в том, чтобы углублять и расширять смысл бытия многомиллионных масс трудового человечества». В наше время эти слова звучат с особенной силой.

В журнале «Знамя» появились плохие стихи Сельвинского «Кого баюкала Россия». Это поэт, который написал немало хороших стихов, который прошел всю войну и сам сделал выводы на фронте. Вот его собственные слова: «Фронт дал мне право разговаривать во всю широту своего голоса с самым большим собеседником, с народом. Я не сразу взял это право. Я робел на фронте, писал отдельные стихи,

но разговаривать с народом, как трибун, из-за своей интеллигентской застарелой болезни не мог. Между тем командование просило написать стихотворения: “К бойцам Крымского фронта”, “Южным славянам”, “Ответ Геббельсу”, — и я понял, что в дни фронта я представитель масс и что мне не только дано право разговаривать с миллионами, а вменяется мне это в обязанность. Тут уже обычный язык не годится. Тут нужно из тысячи слов выбрать одно. И то, что это слово доходит до сердца широкого читателя, говорит о том, что я, по-видимому, свой долг выполняю».

Так говорил сам Сельвинский. И он выполнял свой долг не «по-видимому», а по-настоящему. Но почему-то тему России, самую народную, самую внутреннюю, он взял с налету и уж никак не отбирал для нее «из тысячи слов одно».

Россия у него — «страна улыбки безмятежной». Когда она была такой? И есть ли где в современном мире подобная страна? Ведь даже в безмятежной досель Полинезии и то дерутся. Вторая строка: «Страна атаки головной». Что это за набор слов? Далее о России: «Она пригреет и уroda». В стихотворении «Кого баюкала Россия» Сельвинский клеветает на русский народ. Это свидетельствует о серьезных идеологических ошибках в творчестве Сельвинского.

Необходимо также отметить, что в написанных за последнее время произведениях А. Довженко (повести «Победа» и киноповести «Украина в огне») допущены крупные ошибки принципиального характера: Довженко неправильно изображает взаимоотношения между народами СССР, дает ошибочную и по существу клеветническую оценку борьбы советских людей против немецко-фашистских захватчиков. Понятно, что эти произведения Довженко, прочитанные в ряде редакций издательств и журналов, не могли не вызвать возмущения писателей.

Тыл кует победу, но на эти темы у нас написано маловато: всего лишь несколько книг, да и то преимущественно очерки. Правда, «Урал в обороне» Мариэтты Шагинян или «Сталинские мастера» Анны Каравановой — это уже настоящие книги, заслуживающие всяческого внимания, как и очерки Елены Кононенко, опытных журналистов с хорошим глазом — Бориса Агапова, Колосова. Но собственно о героической работе тыла написан только один большой роман — «Испытание» Первенцева.

Натан Рыбак написал роман о тыле «Оружие с нами», Ауэзов — роман о Караганде «Часы испытаний», Сланов — роман «Огнедышащая гора» — о Казахстане, бурят-монгол Болдано — пьесу «Рыбаки Байкала», Сенченко — «Паруса поставлены». Но этих книг почти нет на русском языке. В связи с этим вновь встает проблема перевода.

* * *

Тылу явно не повезло. Многие писатели жили долгое время в далеком тылу. И все же они ничего или почти ничего не написали о людях тыла, о тех, кто день и ночь работает, не жалея сил, ничего не написали о героях социалистического труда. А между тем эти неутомимые труженики дают Красной Армии все для победы. «Самоотверженный труд советских людей в тылу войдет в историю, наряду с героической борьбой Красной Армии, как беспримерный подвиг народа в защите Родины». Так сказал товарищ Сталин.

Большой пробел в писательской тематике — отсутствие темы тыла. И писать надо по горячему следу, сейчас, когда можно наблюдать все эти трудовые подвиги своими глазами. Не дожидаться же конца войны, когда будет уже совсем иное.

В этой связи встает особый вопрос — о так называемых областных писателях. Почему-то повелось, что большие писатели будто бы не могут жить нигде, кроме столицы. Отсюда несправедливое отношение к писателям на местах. Двадцать лет писал Бажов на Урале свои чудесные сказы, и читатель вполне оценил его, а критика даже не подозревала о его существовании. Сейчас написаны книги на темы Отечественной войны: Кудимовым в Смоленске — роман «По ту сторону», Коковинным в Архангельске — три рассказа, Смирновым в Ярославле — «Сыновья», Матвеевко в Саратове — «Горынская пуца», Гребенчиковым — «Фронтной блокнот». А что мы знаем об этих книгах? Смердов в Новосибирске выпустил прекрасные ойротские сказки, Мурзиди в Свердловске писал сатирические стихи, Озерной из Саратова — «Рассказы бывалого солдата». Но этих литераторов слабо знает Союз писателей и мало помогает им.

В советской литературе художественная книга для детей занимает значительное и ответственное место. Детская литература в наши дни призвана воспитывать будущее поколение, тех, кто будет жить взрослыми уже в мирные времена. Ее воспитательное значение сейчас еще больше, чем до войны. Крепкая, здоровая семья, вопросы нравственного здоровья, воспитание патриотизма, этики стоят на первом месте.

Детская книга — один из самых влиятельных факторов в деле воспитания. На I съезде писателей детской литературе был посвящен по инициативе Горького особый содоклад и в докладе Алексея Максимовича говорилось о ее чрезвычайной важности. Партия и правительство всегда уделяли литературе для детей большое внимание. В нашей стране создано специальное единственное в мире издательство — Детгиз. Советская литература для детей достигла немалых успехов. Она выдвинула целую плеяду писателей, широко

известных у нас на родине и за ее пределами. Во время войны у нас вышло немало хороших детских книг: Л. Соловьева «Степан Полосухин», Голубова «Багратион» (вот пример книги, которая годится для всех возрастов), Ильина «Как человек стал великаном» (вторая часть), Михалкова «Даниил Кузьмич», Барто — стихи о детях-ремесленниках, Кассиля — «Твои защитники» — книга-картинка о всех родах оружия.

Но в детской литературе невозможно говорить только о войне и о войне: должны быть найдены какие-то пропорции. И в этом смысле замечательная пьеса Маршака «12 месяцев» явится праздником для ребят. Он же написал продолжение своей старой знаменитой поэмы «Военная почта», «Твои правила» — оригинальные 21 правило — подписи под плакатами, где изображены примеры поведения школьников дома, в школе и на улице. Вышел сборник рассказов Пантелеева, рассказы Кокконова «О Ленине». Габбе написал книгу «Город мастеров», Шварц — антифашистскую пьесу «Дракон», Чуковский — большую поэму «Одолеем Бармалея».

В детских книгах последнего времени мы видим большое разнообразие, но всего этого далеко не достаточно.

Сейчас мы подошли к очень трудному моменту: напряжение сил страны достигло предела, но предела благодетельного, когда чувствуешь, что этим крайним напряжением преодолеваются все усилия злобного врага. Нужно учитывать, что у нас теперь есть дети счастливые и есть дети обездоленные, есть дети, изнывающие под немецким игом, есть сироты, воспитанники детдомов, есть дети-партизаны. Помните замечательный случай, когда партизаны в лесу встретили мальчика, стрелявшего из пулемета. На вопрос: «Откуда ты его взял?» — он ответил: «Я люблю оружие, у меня его много, и, если вам нужно, я могу дать... У меня есть винтовки, я их вешаю на деревья, у меня есть даже пушка. Я ее спрятал...»

В Ленинграде был такой случай. Приходит на завод, в самый главный цех, инженер, видит: у пульта управления стоит юноша лет шестнадцати. Инженер спрашивает, где Иван Иванович. Тот отвечает: «Я Иван Иванович». Инженер думает, что это шутка. «Ты хоть и Иван Иванович, — говорит он, — но мне нужен другой Иван Иванович — начальник цеха». «А это я и есть начальник цеха». Инженер приехал, чтобы согласовать создавшиеся неувязки в вопросах поставки материалов. Пошел он с шестнадцатилетним пареньком по цеху и через полчаса был в полном удивлении: юноша оказался настоящим знатоком дела, специалистом: он все знал и все объяснял.

Детская литература должна сейчас строиться по-особому.

Возьмем обычную книгу — географию родной страны. А как изменилась эта география? Нужно показать ее так, чтобы в книгах

наша страна ожила для детей во всем богатстве своих трудов и природного многообразия. Тут не отделаешься сюсюканием или книжками обо всем и ни о чем. Нужны яркие рассказы и стихи о Волге, Кавказе, Москве, об Украине, Доне, Кубани, о Сталинграде и Ленинграде, книги, где бы героическая география этих мест была показана настоящим образом.

Нужны книги о Красной Армии, о героических характерах, о подвигах и достижениях советской науки; книги о героях-детях, о ремесленниках, о школьниках, о воздушном и морском флоте.

Некоторые недостатки детской литературы, пожалуй, характерны и для всей нашей литературы. Несмотря на разнообразие книг писатели не только не взяли от жизни главное ее содержание, но немного сузили даже тему войны, сводя ее иногда только к показу геройства по шаблону. Повествованию о людях на войне подчас свойственен неумеренно гладкий стиль. Язык литературных произведений редко производит впечатление той свежести и той легкой ясности, которая так пленяет в классиках.

Язык народа нельзя опрощать и обеднять.

«Полезность языка — слава отечества», — говорили в старину. Иной раз писатели забывают эту истину.

А ведь писатель сегодня — государственный деятель, муж совета. Ему многое дано, с него многое и спрашивается. С ним советуется народ, с ним говорят партия и правительство. И в прямом и в переносном смысле писатель — слуга народа. Писатель Эстонии Барбарус Варес — председатель Верховного Совета Эстонской ССР. Заместитель председателя Совнаркома Украины — поэт Бажан. Корнейчук — наркоминдел Украины. Тычина — наркомпрос Украины. Ванда Василевская — председатель Общества польских патриотов. Нигде не было такого государственного выдвижения поэтов и писателей. Это еще раз доказывает, что писатель — слуга народа, он и трибун, он же и практик.

Поэт и в жизни должен быть мастак, говорил Маяковский. «Все то лучшее, что мы делаем, — есть дело народное», — писал Чехов. «Ответственность — самое социалистическое чувство новой интеллигенции», — писал Горький в свое время. Есть ли это чувство у всех писателей в равной степени? Нет, в равной степени его нет. Иные считают, что можно сидеть, как в норе, и оттуда наблюдать, как мимо текут события. Но если писатель отказывается от жизни, от ее бурных и геройских дел, он тем самым обрекает себя на бесплодие. И тогда он начинает писать не то или вовсе прекращает писать.

Иные хотят жить бездумно и легко и еще ссылаются при этом на классиков, на их кажущееся олимпийское спокойствие. Но ста-

рик Лев Толстой сам ходил со счетчиками на перепись, чтобы видеть, как живет народ. Чехов, больной, не побоялся отправиться на лошадях через Сибирь на Сахалин, чтобы написать книгу. Короленко по доброй воле поехал на процесс о так называемом Мултанском жертвоприношении.

Максим Горький писал о писательском деле так: «В России каждый писатель был воистину и резко индивидуален, но всех объединяло одно упорное стремление — понять, почувствовать, догадаться о будущем страны, о судьбе ее народа, об ее роли на земле».

Когда мы говорим о напряжении в работе, о неутомимости, о необходимости помочь народу своим писательским опытом, вспоминаются слова юноши Лермонтова:

Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал, как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, что значит отдыхать...

Иные писатели жалуются, что трудно работать в обстановке тяжелой, третий год длящейся войны.

А разве легче бойцу сейчас по колено в грязи, по грудь в болоте совершать обходные марши, штурмовать линию за линией немецкие укрепления, форсировать одну водную преграду за другой?!

А разве легко рабочему или инженеру работать, забыв о сне и отдыхе, не выходя из цеха, пока не окончен фронтовой заказ?! Разве легко транспортнику, под огнем и в непогоду ведущему безотказно составы со всем необходимым фронту?!

Один фронтовик-писатель рассказывал: «У каждого ушедшего на фронт был до войны любимый писатель. И какое разочарование испытывают эти люди, когда в течение года или полутора — двух лет не видят любимого имени, которое они привыкли любить и ценить до войны. Человек вспоминает писателя, ищет его на страницах газет, в печати и не встречает его».

На фронте работают беззаветно сотни писателей, поэтов; многие дерутся с оружием в руках; иные уже пали смертью храбрых, и на всех фронтах и морях есть наши писатели. Но вовсе не требуется всем отправляться на фронт. Речь идет об усилении писательской работы — и не в сторону газетных статей. Наша задача — множить замечательные характеры советских людей в литературе, показывать героев нашего времени во весь рост, поднимать острые, новые темы, рожденные войной.

Все шире развивает свою деятельность радио. Сколько пользы может принести писатель на радио, в кино! Как значительна, как

важна его работа в театре! Когда в Америке узнали о пьесе Симонова «Русские люди», американцы запросили по телеграфу текст пьесы — так они жаждут наших произведений. Англичанин Пристли не зря назвал советскую литературу совестью мира.

С теми, кто отрывается от сегодняшнего дня, кто залезает в свою берлогу, в тот день, когда он вылезает на люди, случается пренеприятная история.

Н. Асеев в самом начале войны, когда еще не было бомбежек и в Москве было тихо, писал:

Война в наши двери стучится,
Предательски ломит в окно,
Но что же, ведь это случиться
Когда-нибудь было должно.
Об этом и в песнях мы пели
И думали столько годов,
За нами высокие цели,
Чтоб каждый был драться готов.

Правильно писал. А теперь, в дни суровых испытаний он пишет стихи, в которых возводит поклеп на русский народ, на народ, который все это время именно то и делает, о чем Асеев писал в своем стихотворении, — защищает высокие цели.

До сих пор еще ведутся разговоры о так называемом чистом и нечистом искусстве. Это — какое-то прискорбное недоразумение. Во всех видах искусства можно работать и хорошо, и плохо. «Окна РОСТА» Маяковского вошли в историю литературы. Искусство не знает самоуспокоенности, иначе оно не искусство, а ремесло.

Настоящая помощь фронту и тылу — в том постоянном идейном насыщении маленького и большого произведения, которое доходит до широкого читателя и помогает ему шире, глубже познать героизм борьбы нашего народа, узнать о человеке подвига, о том, что им движет и что надо сейчас ему делать.

На писателе лежит воспитание будущих поколений. Вопросы морали, укрепление идей нашей государственности, великих идей социализма, укрепление нравственного здоровья народа — вот грандиозные цели, к которым стремится наша большая литература.

Каким выйдет человек из войны? Надо думать и о первом дне после войны. «Нужно, чтобы морально-политический разгром фашизма также был доведен до конца» (*Молотов*). Этому писатели могут сильно помочь своим пламенным и правдивым словом. Товарищ Сталин сказал: необходимо, чтобы рабочие, колхозники, вся советская интеллигенция работали для фронта с удвоенной энергией.

Сосредоточением всех своих творческих сил писатели должны приближать дело окончательной победы, помогать скорейшему разгрому фашизма, торжеству нашего правого дела.

Долг писателей — трудиться с той же энергией, с какой трудятся весь советский народ, вся интеллигенция нашей страны. Советские писатели должны осознать, что на них лежит ответственность перед народом, партией, правительством, потому что они государственные деятели, творящие в великую эпоху.

Оружие писателя — перо — должно быть таким же победоносным, как и то, что в руках нашей Красной Армии.